# Наша программа и политическая ситуация

*Роза Люксембург (1918)*

*Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. в Берлине*

Когда мы сегодня приступаем к задаче обсуждения и принятия нашей Программы, то в основе этого лежит нечто большее, чем просто формальное обстоятельство: вчера мы конституировали новую самостоятельную партию, а новая партия должна официально принять Программу. В основе сегодняшнего обсуждения лежат крупные исторические события, а именно тот факт, что наступил момент, когда социал-демократическая, социалистическая программа пролетариата вообще должна быть поставлена на новое основание.

Товарищи, мы продолжаем при этом ту линию, которую ровно 70 лет тому назад определили Маркс и Энгельс в Манифесте Коммунистической партии. Манифест, как вы знаете, считал социализм, осуществление конечных социалистических целей не-посредственной задачей пролетарской революции. Такова была точка зрения, которую Маркс и Энгельс отстаивали в революции 1848 г. и которую считали основой для пролетарской акции также и в интернациональном плане. Тогда оба они, а с ними вместе все ведущие умы пролетарского движения верили, что стоят перед непосредственной задачей введения социализма; для этого лишь необходимо совершить политическую революцию, овладеть политической властью, чтобы непосредственно претворить социализм в плоть и кровь. Затем, как вы знаете, Маркс и Энгельс сами осуществили основательную ревизию этой точки зрения.

В первом предисловии к изданию Манифеста Коммунистической партии 1872 г., которое было еще подписано Марксом и Энгельсом совместно (оно напечатано в издании 1894 г.), оба они так говорили о собственном произведении:

В настоящее время это место, — конец II раздела, а именно изложение практических мероприятий по осуществлению социализма, — во многих отношениях звучало бы иначе. Ввиду огромного развития крупной промышленности за последние двадцать пять лет и сопутствующего ему развития партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала Февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

А как же звучало то место, которое было объявлено устаревшим? Это мы читаем в Манифесте Коммунистической партии на странице 23:

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более

быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

Высокий прогрессивный налог.

Отмена права наследования.

Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

Централизация всего транспорта в руках государства.

Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.

Общественное и бесплатное воспитание всех детей. .Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Как видите, это, с некоторыми отклонениями, те же самые задачи, непосредственно перед которыми мы стоим сегодня: проведение в жизнь, осуществление социализма Между тем временем, когда это было выдвинуто в качестве программы, и сегодняшним моментом пролегло 70 лет капиталистического развития и историческая диалектика привела к тому, что сегодня мы возвращаемся к той точке зрения, от которой Маркс и Энгельс впоследствии отказались как от ошибочной. Они имели на то серьезные основания. Развитие капитализма, происшедшее с тех пор, привело нас к тому, что то, что тогда было ошибкой, ныне стало истиной. И сегодня наша непосредственная задача выполнить то, перед чем Маркс и Энгельс стояли в 1848.г.

Однако между той точкой развития, его началом, и нашей нынешней позицией и задачей пролег путь развития не только капитализма, но и социалистического рабочего движения, и прежде всего в Германии, как ведущей стране современного пролетариата. Развитие это проходило своеобразно. Вслед за тем, как Маркс и Энгельс после разочарований в

революции 1848 г отказались от мнения, что пролетариат в состоянии непосредст-венно и прямо осуществить социализм, в каждой стране возник-ли социал-демократические, социалистические партии, которые заняли совсем другую позицию. Непосредственной задачей была объявлена повседневная борьба за частичные требования в политической и экономической области, чтобы сначала постепенно создать армии пролетариата, призванные, когда капиталистическое развитие созреет, осуществить социализм.

Этот поворот, это совершенно другое основание, на которое опиралась социалистическая программа, приобрело именно в Германии весьма типичную форму. Германская социал-демократия вплоть до ее краха 4 августа [1914 г.] руководствовалась Эрфуртской программой, в которой на первом плане стояли так называемые ближайшие минимальные задачи, а социализм слу-жил только путеводной звездой к далекой конечной цели. Но дело ведь не в том, что записано в Программе, а в том, как она воспринимается в реальной жизни. Для такого восприятия Программы определяющим был важный исторический документ нашего рабочего движения — Введение, которое Фридрих Энгельс написал в 1895 г. к «Классовой борьбе во Франции» [Карла Маркса].

Товарищи, я останавливаюсь на этом вопросе не только из исторического интереса, а потому, что это очень актуальный вопрос и наш исторический долг — разобраться в нем, когда мы ставим нашу Программу на ту почву, на которой некогда, в 1848 г., стояли Маркс и Энгельс. Вследствие тех изменений которые принесло за истекшее время историческое развитие, наш долг — совершенно ясно и сознательно предпринять ревизию той концепции, которая была определяющей в германской социал-демократии вплоть до ее краха 4 августа. Эта ревизия должна быть осуществлена здесь официально.

Товарищи, как же подходил к этому вопросу Энгельс в том знаменитом Введении к Марксовой Классовой борьбе во Франции, написанном в 1895 г., т. е. уже после смерти Маркса? Прежде всего он, бросая ретроспективный взгляд на время после 1848 г., показал, что концепция непосредственно предстоящей социалистической революции устарела. Далее он продолжает:

История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это той экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и впервые действительно утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну,-- и все это на капиталистической основе, которая, таким образом, в 1848 г. обладала еще очень большой способностью к расширению.

Развивая далее мысль о том, насколько все с тех пор изменилось, он перешел к вопросу о задачах партии в Германии: Война 1870-1871 гг. и поражение Коммуны, как предсказывал Маркс, временно перенесли центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Во Франции, разумеется, понадобились годы, чтобы оправиться от кровопускания, устроенного в мае 1871 года. Наоборот, в Германии, где все быстрее развивалась промышленность, поставленная вдобавок благодатными французскими миллиардами в прямо-таки тепличные усло-вия, еще быстрее и неуклоннее росла социал-демократия. Благодаря тому умению, с которым немецкие рабочие использовали введенное в 1866 г. всеобщее избирательное право, изумительный рост партии стал очевиден всему миру из бесспорных цифр.

Затем следует известный перечень, показывающий, как мы росли до миллионов от одних выборов в рейхстаг к другим, из чего Энгельс делает следующий вывод:

Но вместе с этим успешным использованием всеобщего из-бирательного права стал применяться совершенно новый способ борьбы пролетариата, и он быстро получил дальнейшее развитие. Нашли, что государственные учреждения, при помощи которых буржуазия организует свое господство, открывают и другие возможности для борьбы рабочего класса против этих самых учреждений. Рабочие стали принимать участие в выборах в ландгстаги отдельных государств, в муниципалитеты, промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах,-- чем успехов восстания.

И к этому Энгельс присовокупляет обстоятельную критику безумной идеи, будто в современных условиях капитализма пролетариат вообще может чего-либо добиться путем революции на улице. Я считаю, что сегодня перед лицом того факта, что мы находимся в разгаре революции, уличной революции, со всем, что ей присуще, самое время вступить в спор с той концепцией, которая до последнего времени имела хождение в германской социал-демократии в качестве официальной и на которую тоже ложится ответственность за пережитое нами 4 августа 1914 г. (Очень верно!)

Я не хочу этим сказать, что из-за таких высказываний и на Энгельса падает вина за весь ход развития в Германии; я говорю лишь, что перед нами — классически сформулированный документ той концепции, которая жила в германской социал-демократии или, вернее, умертвила ее. Здесь, товарищи, Энгельс со всем знанием дела, которым он обладал и в области военных наук, показывает: было бы чистым безумием верить, что при нынешнем уровне развития милитаризма, промышленности и крупных городов трудовой народ смог бы осуществить уличную революцию и притом победить. Это противопоставление принесло с собой двоякие выводы. Во-первых, при этом парламентская борьба рассматривалась как противоположность прямому революционному действию пролетариата и как прямо-таки единственное средство классовой борьбы. Из этой критики вырастал чистый лишь парламентаризм. Во-вторых, странным образом именно самая мощная организация классового государства — милитаризм, масса одетых в солдатские мундиры пролетариев априорно изображались как обладающие иммунитетом и недоступные какому-либо социалистическому воздействию. И если Введение говорит, что при нынешнем развитии гигантских армий было бы сумасбродством думать, будто пролетариат смог бы справиться с этими солдатами, вооруженными пулеметами и новейшими техническими боевыми средствами, то оно, очевидно, исходит из предпосылки, что тот, кто стал солдатом, заранее и навсегда должен оставаться опорой господствующих классов. Это — ошибка, которая с точки зрения нынешнего опыта, да еще при том, что она принадлежит человеку, стоявшему во главе нашего движения, была бы просто непостижимой, если бы мы не знали, в каких фактических условиях возник приведенный выше исторический документ.

К чести обоих наших великих учителей, особенно же много позже скончавшегося Энгельса, который отстаивал честь и взгляды Маркса, следует констатировать, что, как известно, Энгельс написал это Введение под прямым давлением тогдашней [социал-демократической] фракции рейхстага. Это было в то время. когда в Германии (после отмены в начале 90-х годов закона против социалистов) внутри немецкого рабочего движения стало заметным сильное течение левого радикализма, которое хотело предотвратить полное поглощение членов партии чисто парламентской борьбой. Для того чтобы теоретически разбить радикаль-ные элементы и практически их подавить, а также чтобы авторитетом наших великих наставников лишить их уважения со стороны широких масс, Бебель и товарищи (это тогда тоже было характерно для наших условий: парламентская фракция рейхстага решала, идейно и тактически, судьбы и задачи партии) вынудили Энгельса, который жил

за границей и потому должен был положиться на их заверения, написать данное Введение, поскольку, мол, настоятельнейшая необходимость сейчас — спасти германское рабочее движение от анархических вывихов.

С тех пор эта концепция действительно овладела всеми деяниями и помыслами германской социал-демократии, пока мы не испытали на себе прелестное событие 4 августа 1914 г. То было провозглашение ничего кроме парламентаризма . Но сам Энгельс до результата, до практических последствий такого применения его Введения, его теории не дожил. Я уверена: тот, кто знает труды Маркса и Энгельса, живой, революционный, подлинный, нефальсифицированный дух, которым дышат все их труды и статьи, тот должен быть убежден, что Энгельс первым выступил бы против извращений, вытекающих из лишь парламентаризма , против того погружения в трясину и морального падения рабочего движения, которое началось в Германии еще за несколько десятилетий до 4 августа. Ведь 4 августа не с неба свалилось, как неожиданный поворот, а было логическим следствием того, что мы переживали день за днем, из года в год (Очень правильно!), того, чему Энгельс и, будь он жив, Маркс воспротивились бы первыми, чтобы со всей силой не дать возу скатиться в болото.

Но Энгельс умер в том же году, когда написал свое Введение. Мы потеряли его в 1895 г., а с тех пор теоретическое руководство из рук Энгельса перешло, к сожалению, в руки Каутского, и мы стали свидетелями такого явления, когда любой протест против лишь парламентаризма , протест, шедший на каждом съезде партии слева, будучи выражен большей или меньшей группой товарищей, противостоявших в упорной борьбе тому увязанию в болоте, грозящие последствия которого должен был осознать каждый, штемпелевался как анархизм, анархо-синдикализм или по меньшей мере как антимарксизм. Официальный марксизм должен был служить прикрытием для всяческих калькуляций, уклонений от действительно революционной классовой борьбы, для всяческой половинчатости, обрекавшей германскую социал-демократию и рабочее движение вообще, так же и профсоюзное, на прозябание в рамках и на почве капиталистического общества, без серьезного стремления потрясти основы общества и заставить его затрещать по всем швам.

Мы сегодня, товарищи, переживаем момент, когда можем сказать: мы снова с Марксом, под его знаменем. Когда мы сейчас в нашей Программе заявляем: непосредственная задача пролетариата — не что иное, как, говоря кратко, претворение социализма в жизнь и выкорчевывание капитализма, мы тем самым становимся на почву, на которой стояли Маркс и Энгельс в 1848 г. и которую они принципиально никогда не покидали. Теперь ясно, что такое подлинный марксизм и чем был тот эрзац-марксизм (Очень хорошо!), который так долго распространялся в германской социал-демократии в качестве официального марксизма. Вы ведь видите по представителям этого марксизма, куда он ныне зашел в качестве придатка и привеска к Эберту, Давиду и иже с ними. Среди них мы видим официальных представителей того учения, которое нам десятилетиями выдавали за подлинный, нефальсифицированный марксизм. Нет, марксизм отнюдь не вел к тому, чтобы вместе с шейдемановцами делать контрреволюционную политику. Подлинный марксизм борется и против тех, кто пытается его фальсифицировать, он, как крот, подкапывал устои капиталистического общества и привел к тому, что сегодня лучшая часть германского пролетариата шагает под на-шим знаменем, под боевым знаменем революции, что мы имеем своих приверженцев и будущих боевых соратников и там, где контрреволюция еще кажется господствующей.

Итак, товарищи, как я уже упомянула, мы, ведомые ходом исторической диалектики и обогащенные предшествующим семи-десятилетним капиталистическим развитием, вновь стоим там, где в 1848 г. стояли Маркс и Энгельс, когда они впервые развернули знамя интернационального социализма. Ревизовав ошибки и иллюзии 1848 г., тогда считали, что пролетариату предстоит ещё бесконечно долгий путь, прежде чем социализм сможет стать

действительностью. Разумеется, серьезные теоретики никогда не занимались назначением обязательных и твердых сроков кра-ха капитализма, но в общем и целом представляли себе этот путь еще очень длинным. Как раз это и звучит в каждой строке того Введения, которое Энгельс написал в 1895 г. Так вот, теперь мы можем подвести итог. Не было ли это, в сравнении с ходом прежних классовых боев, весьма кратким отрезком времени? Семидесяти лет крупнокапиталистического развития оказалось достаточно, чтобы продвинуть нас так далеко, что сегодня мы можем вполне серьезно рассчитывать на уничтожение капитализма Даже более того: мы сейчас не только в состоянии решить эту задачу, она не только стала нашим долгом по отношению к про-летариату, но и её решениевообще является единственным спасением для существованиячеловеческого общества. (Оживлённое одобрение.)

Товарищи, что же оставила эта война от буржуазного общества, как не огромную груду развалин? Формально все средства производства, а также очень многие средства власти, почти все решающие средства власти находятся еще в руках господствующих классов: мы на сей счет не заблуждаемся. Но то, что они могут сотворить с их помощью, это, кроме судорожных попыток кровавыми банями возобновить эксплуатацию, не более чем анархия. Они зашли столь далеко, что ныне дилемма, перед которой стоит человечество, такова: либо гибель в анархии, либо спасение благодаря социализму. В результате мировой войны буржуазные классы уже не могут найти какого-либо выхода на почве своего классового господства и капитализма. Итак, произошло то, что мы сегодня в самом буквальном смысле слова стали очевидцами той истины, которую именно Маркс и Энгельс в своем великом документе — в Манифесте Коммунистической партии впервые высказали как научную основу социализма: социализм станет исторической необходимостью. Социализм стал необходимостью не только потому, что пролетариат больше не желает жить в тех услових жизни, которые дают ему капиталистические классы, но и потому, что, если он не исполнит своего классового долга и не осуществит социализм, всех нас вместе ожидает гибель. (Оживленное одобрение.) Так вот, товарищи, это — та общая основа, на которой строится наша Программа, которую мы сегодня официально принимаем и с проектом которой мы познакомились в брошюре Чего хочет Союз Спартака?. Она находится в сознательном противоречии с точкой зрения, на которой до сих пор стоит Эрфуртская программа, в сознательном противоречии с отрывом непосредственных, так называемых минимальных требований политической и экономической борьбы от социалистической конечной цели как программы максимум. В сознательном противоречии с этим мы ликвидируем результаты последних семидесяти лет развития и особенно непосредственный результат мировой войны, говоря: для нас нет теперь никакой программы минимум и никакой программы максимум; и то и другое — это социализм; вот той минимум, который мы должны осуществить сегодня. (Очень хорошо!)

Об отдельных мерах, которые мы предлагаем вам в нашем проекте Программы, я распространяться здесь не буду, ибо у вас есть возможность высказать свое отношение к каждой из них и не имеет смысла детально обсуждать здесь все детали. Я считаю своей задачей обозначить и сформулировать здесь только общие, самые основные черты, отличающие наши программные позиции от прежних позиций так называемой официальной германской социал-демократии. Напротив, я считаю гораздо более важным и настоятельно необходимым, чтобы мы договорились о том, как оценивать конкретные условия, как следует сформулировать тактические задачи, практические лозунги, вытекающие из политического положения, из предшествующего хода революции и из предполагаемых дальнейших направлений ее развития. Мы хотим обсудить политическую ситуацию с точки зрения той концепции, которую я пыталась охарактеризовать,-- с точки зрения осуществления социализма как непосредственной задачи, которая должна наперед освещать каждую меру, каждую нашу позицию.

Товарищи, наш сегодняшний съезд партии, который, как я считаю возможным с гордостью заявить, является Учредительным съездом единственной революционной социалистической партии германского пролетариата, этот съезд случайно или, скорее, если сказать прямо, не случайно совпадает с поворотным пунктом в развитии самой германской революции. Можно утверждать, что событиями последних дней завершилась начальная фаза германской революции, что теперь мы вступаем во вторую, дальнейшую стадию ее развития и что наш общий долг и вместе с тем источник лучшего, более глубокого осознания будущего — осуществить самокритику, вдумчивую критическую проверку сделанного, созданного и упущенного, дабы обрести способность дальнейшего нашего движения вперед. Мы хотим испытующим взором окинуть только что законченную первую фазу революции!

Ее исходным пунктом было 9 ноября. 9 ноября явилось революцией, полной недостатков и слабостей. Это не удивительно. То была революция, пришедшая после четырех лет войны, после четырех лет, за которые германский пролетариат, благодаря воспитательной школе социал-демократии и свободных профсоюзов, испытал такой позор и пережил такое забвение своих социалистических задач, что равного примера не сыскать ни в одной другой стране. Стоя на почве исторического развития, как марксисты и социалисты, мы не могли ожидать, что в Германии, являвшей собой страшную картину последствий 4 августа и событий четырех дальнейших лет, 9 ноября 1918 г. вдруг совершится великолепная революция, классово сознательная и ясно видящая свои цели. И то, что мы пережили 9 ноября, было более чем на три четверти не победой нового принципа, а крахом существующего империализма. (Одобрение.) Просто наступил момент, когда империализм, как колосс на глиняных ногах, внутренне прогнивший, должен был рухнуть. А то, что последовало затем, было более или менее хаотичным, беспланoвым, весьма мало сознательным движением. Соединяющая связь и непреходящий, спасительный принцип его был выражен только в лозунге: создание рабочих и солдатских Советов. Вот девиз этой революции, который сразу же — при всех недостатках и слабостях первого момента — придал ей особый отпечаток пролетарской, социалистической революции.

И мы не должны никогда упускать случая, когда слышим клевету на русских большевиков, отвечать на это: а где вы научились азбуке вашей нынешней революции? Вы взяли ее у русских — рабочие и солдатские Советы! (Одобрение.) А те людишки, которые, стоя ныне во главе германского так называемого социалистического правительства, считают своей обязанностью предательски наносить рука об руку с английскими империалистами удары в спину русским большевикам, они формально тоже опираются на рабочие и солдатские Советы. Даже и они вынуждены признать: это русская революция дала первые лозунги для мировой революции. Мы можем уверенно сказать — и это само собою вытекает из всей обстановки: в какой бы стране после Германии ни произошла пролетарская революция, первым ее шагом будет образование рабочих и солдатских Советов. (Очень верно!)

Именно в этом — объединяющие интернациональные связи нашего движения вперед, это — тот девиз, который целиком отличает нашу революцию от всех прежних буржуазных революций. И весьма характерно для тех диалектических противоречий, в рамках которых она движется,-- как, впрочем, и все революции,-- что уже 9 ноября, когда она издала свой первый крик, возвестив, так сказать, о своем рождении, она нашла именно то слово, которое ведет нас дальше к социализму: рабочие и солдатские Советы. Это понятие, вокруг которого сгруппировалось решительно все, революция нашла инстинктивно, несмотря на то что 9 ноября она была такой отсталой, что вследствие своих недостатков и слабостей, из-за нехватки собственной инициативы и ясности относительно своих задач уже на второй день после революции сподобилась снова выпустить из своих рук половину тех средств власти, которые завоевала 9 ноября. В этом сказывается, с одной стороны, то, что нынешняя революция испытывает на себе воздействие сверхмощного закона исторической необходимости, и это служит порукой тому, что мы шаг за шагом придем к нашей

цели, несмотря на все трудности, осложнения и собственные недуги. С другой стороны, надо сказать, сравнив этот ясный лозунг с недостатками практики, с которой он связан: то были лишь первые детские шаги революции, которой предстоят еще огромные дела и долгий путь, пока она дорастет до полного осуществления своих первых лозунгов.

Товарищи, первая фаза — от 9 ноября до нынешних дней — характеризуется разнообразными иллюзиями. Первой иллюзией пролетариата и солдат, совершивших революцию, была иллюзия единства под знаменем так называемого социализма. Что может быть характернее для внутренней слабости революции 9 ноября, чем тот ее первый результат, что во главе движения встали элементы, которые за два часа до ее начала видели свою обязанность в том, чтобы травить ее (Очень верно!), пытаться сделать ее невозможной. Так действовали Эберт — Шейдеман вместе с Гаазе! Идея объединения различных социалистических течений под общее ликование о единстве, этот девиз революции 9 нояб-ря — вот иллюзия, за которую пришлось платить кровью. Мы изжили ее и расстались с этой мечтой только в последние дни. Самообман имел место и у Эберта — Шейдемана, и у буржуазии — словом, у всех. В этой закончившейся стадии у буржуазии была иллюзия, что она посредством комбинации Эберт-Гаазе, так называемого социалистического правительства, сможет действительно удержать в узде пролетарские массы и задушить социалистическую революцию. У правительства Эберта — Шейдемана была иллюзия, что при помощи массы фронтовых солдат ему удастся подавить рабочие массы, ведущие классовые бои за социализм.

Таковы были разнообразные иллюзии, которые объясняют события последнего времени. Все иллюзии рассеялись. Выявилось, что объединение Гаазе с Эбертом — Шейдеманом под вывеской социализма в действительности означало не что иное, как фиговый листок для прикрытия чисто контрреволюционной политики. Мы же, как это бывало во всех революциях, исцелились от такого самообмана. Есть определенный революционный метод излечения народа от его иллюзий, но лечение это, к сожалению, оплачивается народной кровью. И в данном случае было так же, как и во всех прежних революциях. То была кровь жертв на Шоссеештрассе 6 декабря, это была кровь матросов, пролитая 24 декабря, которая скрепила осознание истины широкими массами: то, что было там кое-как слеплено в качестве так называемого социалистического правительства,-- не что иное, как правительство буржуазной контрреволюции, а тот, кто и дальше терпит такое состояние, тот работает против пролетариата и против социализма. (Очень хорошо!)

Товарищи, рассеялись и иллюзии господ Эберта — Шейдемана, что они с помощью фронтовых солдат окажутся в состоянии надолго подавить пролетариат. Ведь каков результат 6 и 24 декабря? Все мы смогли ощутить глубокое отрезвление солдатских масс и начало их критического отношения к тем самым господам, которые хотели использовать их в качестве пушечного мяса против социалистического пролетариата. И это тоже происходит под действием того закона необходимого объективного развития социалистической революции, согласно которому отдельные отряды рабочего движения постепенно на собственном горьком опыте приходят к осознанию правильного пути революции. В Берлин ввели в качестве пушечного мяса свежие войска для подавления движений социалистического пролетариата, а по лучили то, что сегодня из различных казарм у нас просят листовки Союза Спартака.

Товарищи, это — завершение первой фазы. Надежды Эберта — Шейдемана на обуздание пролетариата с помощью отсталых солдат в большей своей части уже поколеблены. То, что ожидает их в не столь далеком времени, это все более ясное революционное сознание и в казарме, а тем самым увеличение армии борющегося пролетариата, ослабление лагеря контрреволюции. Но отсюда вытекает, что еще кое-кому придется расстаться со своими иллюзиями, а именно буржуазии, господствующему классу. Если вы читали газеты послед-

них дней после событий 24 декабря, то могли заметить в них весьма отчетливое, ясное разочарование и возмущение: слуги там, наверху, оказались непригодными. (Очень хорошо!)

От правительства Эберта — Шейдемана ждали, что оно покажет себя сильным, способным подавить бестию. Ну а на что же эти люди оказались способны? Устроили несколько неудавшихся путчей, из которых, наоборот, гидра революции еще решительнее поднимает голову. Следовательно, взаимная утрата иллюзий у всех сторон! Пролетариат избавился от всякой иллюзии насчет смычки Эберта — Шейдемана — Гаазе в так называемом социалистическом правительстве. Эберт — Шейдеман утратили иллюзию на долгое время подавить с помощью пролетариата в солдатском мундире пролетариат в рабочей блузе, а бур-жуазия — иллюзию обмануть при посредстве Эберта — Шейдемана — Гаазе всю социалистическую революцию в Германии, извратив ее цели.

Таков отрицательный итог, сплошные клочья уничтоженных иллюзий. Но именно то, что после первой фазы революции остались лишь такие обрывки, это — выигрыш для пролетариата; ведь для революции нет ничего более вредного, чем иллюзии, и нет ничего более полезного, чем ясная, откровенная правда. Я могу сослаться тут на суждения классика немецкого духа, который не был пролетарским революционером, но был идейным революционером буржуазии. Я имею в виду Лессинга, который в одном из своих последних произведений, будучи библиотекарем в Вольфенбюттеле, написал следующие весьма интересные и симпатичные мне слова: Не знаю, в том ли состоит долг, чтобы пожертвовать ради правды счастьем и жизнью... Но я знаю, что долг заключается в следующем: если хочешь научить правде, надо учить всей правде, или не учить ей вовсе; учить надо ясно и цельно, без загадок, без утайки, без неверия в ее силу и пользу... Ибо чем грубее ошибка, тем короче и прямее путь к правде; напротив, утонченная ошибка, чем труднее нам распознать ее ошибочность, способна навсегда отвратить нас от правды... Кто помышляет лишь о том, как бы выдать правду замуж под любыми личинами и румянами, тот вполне может стать ее сводником, но ее возлюбленным он не сможет стать никогда.

Товарищи, Гаазе, Дитман и другие господа хотели сбыть с рук революцию под разными личинами и румянами, как социалистическую, но сами оказались сводниками контрреволюции. Сегодня мы избавились от таких двусмысленностей, и революция предстает пред массой немецкого народа в грубом, неотесанном образе господ Эберта и Шейдемана. Сегодня и самый тупой человек не ошибется: на самом деле это — контрреволюция.

В чем же заключается дальнейшая перспектива развития революции, когда мы миновали ее первую фазу? Само собой, не может быть речи о пророчествах, но нужно сделать из пережитого логические выводы. Представив себе предположительный путь дальнейшего развития, следует определить направление нашей тактики, методы нашей борьбы.

Куда же ведет наш путь, товарищи? В чистом, нефальсифи-цированном виде вы уже можете его увидеть в последних высказываниях нового правительства Эберта — Шейдемана. Куда же ведет курс так называемого социалистического правительства после исчезновения, как я показала, всех иллюзий? С каждым своим шагом это правительство все более теряет опору в широких массах пролетариата. Наряду с мелкой буржуазией только остатки, жалкие остатки пролетариата стоят за ним, причем не очень ясно, долго ли и они будут еще стоять на стороне Эберта — Шейдемана. Правительство будет все больше терять опору в солдатской массе, ибо солдаты встали на путь критики и самооценки; этот процесс, правда, поначалу идет еще медленно, но он не остановится, пока не дойдет до полного социалистического сознания. Правительство потеряло кредит у буржуазии, поскольку не оказалось достаточно сильным. Куда же поведет его путь? С комедией социалистической политики оно очень скоро совсем покончит; и если вы прочтете новую программу этих господ, то увидите, что они на всех парах выруливают во вторую фазу — фазу неприкрытой

контрреволюции. Я бы сказала даже — в фазу прежних, предреволюционных условий.

В чем состоит программа нового правительства? Это выборы президента, занимающего промежуточное положение между английским королем и американским президентом (Очень хорошо!), т. е. почти короля Эберта. Во-вторых, восстановление бундесрата. Вы можете прочесть сегодня самостоятельно выдвинутые южногерманскими правительствами требования, подчеркивающие федеративный характер Германской империи. Восстановление старого бравого бундесрата и, естественно, его придатка — германского рейхстага — это вопрос всего лишь нескольких недель.

Товарищи, Эберт и Шейдеман идут тем самым по пути полной реставрации условий, существовавших до 9 ноября. Но таким образом они сами вступили на наклонную плоскость и в результате окажутся на дне пропасти с переломанными костями. Ведь восстановление предреволюционных условий было вчерашним днем уже в самый день 9 ноября, ныне же Германия далеко ушла вперед от этой возможности. Правительство, стремясь усилить свою ослабленную последними событиями опору в единственном классе, интересы которого оно действительно представляет,-- в буржуазии, видит себя вынужденным проводить все более насильственную, контрреволюционную политику.

Требования южногерманских государств, опубликованные сегодня в берлинских газетах, отчетливо выражают желание обеспечить, так сказать, прочную безопасность в Германии, а это, говоря понятным немецким языком, значит: введение осадного положения против анархистских, путчистских, большевистских , т. е. социалистических, элементов. Это подталкивает Эбер-та — Шейдемана к установлению диктатуры с осадным положением или без него. Но из этого вытекает, что именно в результате предшествующего развития, в силу самой логики событий и ввиду тех насильственных актов, которые предпримут Эберт и Шейдеман, мы придем к тому, что во второй фазе революции нам придется пережить еще более резкие столкновения, гораздо более острые, чем прежде, классовые бои ( Очень верно! ), и не только потому, что перечисленные мною политические моменты ведут к тому, чтобы без иллюзий, грудь с грудью, лицом к лицу, вести бой между революцией и контрреволюцией, а и потому, что из глубины все сильнее поднимается новый огонь, новое всеохватное пламя — экономические бои.

Товарищи, для обрисованного мною первого периода революции, можно сказать, до 24 декабря, весьма характерно то, что она — и мы должны сознать это с полной ясностью — была еще революцией исключительно политической. В этом причина изначальной слабости, недостаточности, половинчатости и бессознательности данной революции. То была первая стадия переворота, главные задачи которого лежат в области экономики: перелом экономических условий. Революция была непосредственной, несмышленой, как дитя, которое блуждает в потемках, не зная пути; она носила еще, как сказано, чисто политический характер. Только в последние недели совершенно спонтанно стали заметными забастовки. Мы хотим сказать: именно в самой сути революции заложено, что забастовки будут нарастать все больше, что они будут все сильнее становиться ее сердцевиной, главной осью. (Очень правильно!) Она станет экономической революцией и тем самым революцией социалистической. Но борьба за социализм может быть доведена до конца только массами, непосредственно лицом к лицу борющимися с капитализмом на каждом предприятии, каждым пролетарием, выступающим против своего предпринимателя. Только тогда это будет социалистическая революция.

Правда, люди, не умеющие мыслить, представляли себе ход событий по-иному. Они думали, что достаточно свергнуть старое правительство, поставить во главе правительство социалистическое, а затем будут изданы декреты, которые введут социализм. Это опять же были только иллюзии. Социализм не создают и нельзя создать декретами даже самого

прекрасного социалистического правительства. Социализм должен быть создан массами, каждым пролетарием. Там, где массы прикованы к капитализму цепью, цепь эта должна быть разорвана. Только это социализм, только так может быть создан социализм.

Какова же внешняя форма борьбы за социализм? Это забастовка, и потому мы видели, что теперь, во второй период революции, на передний план выдвинулась экономическая фаза развития. Я хотела бы и здесь подчеркнуть, что мы можем сказать с гордостью и никто не сможет это оспорить: мы. Союз Спартака, Коммунистическая партия Германии — единственные во всей Германии, кто встал на сторону бастующих и борющихся рабочих. (Очень верно!) Вы читали и видели при различных оказиях,

как вела себя по отношению к забастовкам Независимая (социал-демократическая ) партия. Не было совершенно никакой разницы между позицией Vorwarts и позицией Freiheit. Там говорилось: вы должны прадежио трудиться, социализм — это значит много работать. И так говорят, хотя капитал все еще держит в руках бразды правления! Социализм создают не так, а лишь самой энергичной борьбой против капитализма, притязания которого защищают все. начиная от крайних подстрекателей и кончая Независимой партией с ее Freiheit. Единственное исключение — наша Коммунистическая партия. Поэтому из сказанного выше яс-но, что сегодня против забастовок резче всех борются те, кто не стоит на нашей революционно-коммунистической почве.

Отсюда следует: в грядущей фазе революции забастовки будут не только все более расширяться, но и становиться сердцевиной, решающим пунктом революции, оттесняя на задний план чисто политические вопросы. Вы увидите, что в ходе экономической борьбы наступит огромное обострение положения. Ибо революция подходит к той точке, когда буржуазии уже не до шуток. Буржуазия может позволить себе мистификации в политической области, где маскарад еще возможен, где такие люди, как Эберт — Шейдеман еще могут выступать с социалистическими заявлениями, но не там, где дело идет о ее прибыли. Она поставит правительство Эберта — Шейдемана перед альтернативой: или покончить с забастовками и устранить забастовочное движение, грозящее ей удушением, или же господа Эберт и Шейдеман свою роль сыграли. Думаю, что к этому приведут уже их политические меры. Эберт — Шейдеман особенно болезненно переживают, что нашли у буржуазии не слишком-то много доверия. Буржуазия же призадумается стоит ли возложить горностаевую мантию на грубо сколоченную фигуру парвеню Эберта. Если дело дойдет до этого, то вспомнят кровавых рук мало, нужна еще голубая кровь в жилах. (Очень хорошо!) Тогда скажут: коли уж нам нужен король, то зачем нам выскочка, который даже и вести себя как король не умеет. (Веселое оживление.)

Итак, товарищи, Эберт и Шейдеман стремятся к тому, чтобы ширилось контрреволюционное движение. Они не справятся со вспыхнувшим пламенем экономической классовой борьбы и не смогут ублаготворить стремления буржуазии. Им придется исчезнуть с поверхности, либо чтобы освободить место попытке контрреволюции, которая собирается вокруг господина Гренера на отчаянную борьбу для установления открытой военной диктатуры во главе с Гинденбургом, либо чтобы уступить место другим контрреволюционным силам.

Более точно сказать пока ничего нельзя, нет возможности сделать позитивные прогнозы будущего. Но дело отнюдь не во внешних формах, не в том, когда наступит то или другое; нам достаточно установить основные направления дальнейшего развития, а они ведут вот куда: после первой фазы революции, когда шла преимущественно политическая борьба, наступит фаза усиленной, преимущественно экономической борьбы, в ходе которой раньше или, возможно, позже правительство Эберта — Шейдемана должно будет сгинуть в преисподней.

Равным образом трудно предсказать, во что превратится во второй фазе развития Национальное собрание. Возможно, если оно соберется, оно станет новой школой воспитания рабочего класса. Однако вовсе не исключено, что до него вообще не дойдет дело. Хочу лишь в скобках добавить, чтобы вы поняли, с каких позиций мы вчера защищали нашу точку зрения: мы возражали лишь против того, чтобы нацеливать нашу тактику на одну только альтернативу. Я не хочу здесь снова начинать дискуссию, хочу только сказать, чтобы кто-нибудь из тех, кто невнимательно слушает, не подумал: ага, теперь зазвучал другой тон! Мы сплоченно стоим на той же самой почве, что и вчера. Мы не хотим ориентировать нашу тактику в отношении Национального собрания на возможность, которая хотя и может, но не обязательно должна наступить, а именно: что Национальное собрание взлетит на воздух. Мы хотим ориентировать на разные возможности, в том числе и на революционное использование Национального собрания, если оно соберется. Состоится оно или нет, безразлично, ибо революция в любом случае может только выиграть.

Что же останется тогда обанкротившемуся правительству Эберта — Шейдемана или какому-либо другому именующему себя социал-демократическим правительству, которое окажется у руля? Я сказала, что пролетариат как масса уже выскользнул из его рук, что солдат тоже больше не использовать как контрреволюционное пушечное мясо. Что же тогда вообще останется этим жалким людишкам, чтобы спасти ситуацию, в которой они пребывают? Им остается только один шанс, и если вы, товарищи, читали сегодняшние сообщения прессы, то видите, где находятся последние резервы, которые германская контрреволюция бросит против нас, когда борьба пойдет не на жизнь, а на смерть.

Вы все читали, что германские войска уже наступают на Ригу, на русских большевиков рука об руку с англичанами. Товарищи, вот у меня в руках документы, благодаря которым вы можете получить представление о том, что творится теперь в Риге. Всем этим делом заправляет командование 8-й армии, действующее рука об руку с господином Августом Виннигом, немецким социал-демократом и профсоюзным вождем. До сих пор всегда изображали дело так, будто бедняги Эберт и Шейдеман — жертвы Антанты. Но тактика Vorwarts уже многие недели с самого начала революции состояла в том, чтобы представить удушение революции в России сокровенным желанием Антанты. В действительности газета сама и навела Антанту на мысль об этом. Мы здесь документально установили, как это сделано за счет русского пролетариата и германской революции. В телеграмме от 26 декабря подполковник Бюркнер, начальник штаба 8-й армии, сообщает о переговорах, которые привели к этому соглашению в Риге. Соответствующая телеграмма гласит: 23. 12 состоялись переговоры между германским уполномоченным Виннигом и представителем английского правительства, бывшим генеральным консулом в Риге Мозанкетом на борту английского корабля Принцесс Маргрит , в которых был приглашен принять участие также германский командующий или его представитель. Мне было приказано участвовать.

Цель переговоров: выполнение условий перемирия. Ход переговоров. Англичане заявили:

Находящиеся здесь корабли должны следить за соблюдением условий. На основе условий перемирия требуется следующее:

Немцы должны держать в этом районе достаточные вооруженные силы, чтобы связывать силы большевиков и не позволить им продвинуться дальше их нынешних позиций. Далее говорится:

Планы нынешнего расположения войск, как германских, так и латышских, ведущих сейчас бои против большевиков, должны быть посланы британскому военному штаб-офицеру для информирования высшего морского офицера. Все будущие диспозиции войск, предназна-

ченных для борьбы против большевиков, должны сообщаться тому же офицеру. Достаточные вооруженные силы должны находиться в боеготовности в следующих пунктах, чтобы помешать занятию их большевиками или продвижению последних за общую линию, соединяющую нижеследующие пункты: Вальк, Вольмар, Венден, Фридрихштадт. Пенек, Митава.

Железная дорога из Риги в Либаву должна быть ограждена от атак большевиков, а всем британским товарам и почте, посылаемым по этой дороге, обеспечено преимущественное продвижение.

Затем следует еще ряд требований [командования английских войск]. И наконец, ответ германского уполномоченного господина Виннига: хотя и необычно заставлять какое-либо правительство выражать желание оккупировать иностранное государство, но в данном случае это наше собственное большое желание. Так говорит господин Винниг, немецкий профсоюзный вождь! Ведь надо защитить немецкую кровь — балтийских баронов, и мы чувствуем себя также морально обязанными помочь этой земле, которую мы освободили от ее прежних государственных связей. Но наши стремления затруднены, во-первых, состоянием войск, которые под влиянием условий перемирия больше не хотят воевать, а хотят вернуться домой и к тому же состоят из старых людей и инвалидов; во-вторых, отношением местных правительств — имеются в виду латышские,-- которые изображают немцев своими угнетателями. Мы стараемся создать добровольческие боеспособные формирования, что частично уже удалось.

То, что здесь делается, это — контрреволюция. Некоторое время назад мы читали о создании Железной дивизии, сформированной в прибалтийских землях исключительно для борьбы с большевиками. Не было ясно, как относится к этому правитель-

ство Эберта — Шейдемана. Теперь вы знаете, что само это пра-вительство предложило их создать.

Товарищи, еще одна реплика о Винниге. Мы можем уверенно высказать мысль, что немецкие профсоюзные вожди — а совсем не случайно, что профсоюзный лидер выполняет такие политические задания,-- и немецкие социал-демократы — это гнуснейшие и величайшие подлецы, какие когда-либо жили на свете. (Бурное одобрение и аплодисменты,) Знаете ли вы, где место этим людям — Виннигу, Эберту, Шейдеману? По германскому уголовному кодексу, который они же сами объявили полностью сохраняющим свою силу и по которому они вершат правосудие, место этих людей — в каторжной тюрьме! (Бурные выкрики и аплодис-менты.) Ведь по германскому уголовному кодексу карается тюрь-мой тот, кто осуществляет вербовку немецких солдат на ино-странную службу. А сегодня — мы можем уверенно сказать это — мы имеем во главе социалистического правительства не только людей, являющихся иудами социалистического движения, проле-тарской революции, но и каторжников, которым вообще не место в приличном обществе. (Бурное одобрение.)

В связи с этим пунктом я в заключение своего доклада зачитаю вам резолюцию, которая, как я ожидаю, встретит единодушное одобрение, чтобы мы смогли с необходимой энергией выступать против тех людей, которые все еще распоряжаются судьбами Германии.

Товарищи, возвращаясь к нити моих высказываний, я скажу: ясно, что все эти махинации, создание железных дивизий и особенно упомянутое соглашение с английским империализмом означают не что иное, как последние резервы для удушения германского социалистического движения. Но с этим самым тесным образом связан и кардинальный вопрос — вопрос о перспективах мира. Что видим мы в этих соглашениях, как не попытку нового разжигания войны? Эти негодяи в Германии, разыгрывая комедию, будто они по горло

заняты установлением мира, и утверждая, будто мы — нарушители мира, возбуждающие недовольство Антанты и затягивающие его заключение, собственными руками готовят новую вспышку войны — войны на Востоке, по пятам которой последует война в Германии. Вы опять сталкиваетесь здесь с ситуацией, ведущей к тому, что нам придется всту-пить в период острых столкновений. Вместе с социализмом и ин-тересами революции нам придется защищать также интересы мира во всем мире. Это как раз и есть подтверждение той тактики, которую мы, спартаковцы, опять же единственные, отстаивали при каждой возможности в течение всей четырехлетней войны. Мир означает мировую революцию пролетариата*. Нет никакого другого пути действительно установить и обеспечить мир, кроме победы социалистического пролетариата. (Оживленное одобрение.) Товарищи, что вытекает для нас из сказанного, если не тактическая директива в той ситуации, в какой мы окажемся в ближайшее время? Самое первое, что мы должны заключить,-- это, конечно, надежда на то, что все-таки произойдет свержение правительства Эберта — Шейдемана и что оно будет заменено действительно социалистическим пролетарски-революционным правительством. Однако я хотела бы направить ваше внимание не вверх, на верхушку, а вниз. Нам не следовало бы поддерживать и повторять иллюзию первой фазы революции, иллюзию 9 ноября, будто для хода социалистической революции вообще достаточно свергнуть капиталистическое правительство и заменить его другим. Победы пролетарской революции можно добиться, напротив, только начав на каждом шагу подрывать правительство Эберта — Шейдемана социальной, революционной массовой борьбой пролетариата.

Я хотела бы этим не только напомнить вам о некоторых слабых сторонах германской революции, которые не преодолены вместе с первой ее фазой, но и четко показать, что мы, к сожалению, еще не продвинулись так далеко, чтобы свержением правительства обеспечить победу социализма. Я попыталась показать вам, что революция 9 ноября была прежде всего революцией политической, тогда как она должна все же стать главным образом экономической. Она была также только городской революцией, деревня до сих пор остается почти незатронутой. Было бы безумием осуществлять социализм без сельского хозяйства. С точки зрения социалистического хозяйства промышленность вообще не поддается преобразованию без непосредственного соединения с социалистически преобразованным сельским хозяйством. Важнейшая идея социалистического экономического строя — это ликвидация противоречия и разрыва между городом и деревней. Этот разрыв, это противоречие, эта противоположность — явление чисто капиталистическое, которое должно быть немедленно устранено, если мы становимся на социалистическую точку зрения. Если мы хотим всерьез осуществить социалистическое преобразование, вы должны направить ваше внимание на деревню в такой же мере, как и на индустриальные центры, а в этом деле мы, к сожалению, не находимся даже в начале начал. Надо теперь с полной серьезностью взяться за это дело не только потому, что без сельского хозяйства мы не сможем осуществить социализацию, но и потому, что, перечислив последние резервы контрреволюции, направленные против нас и наших стремлений, мы не назвали еще один важный ее резерв — крестьянство. Именно потому, что оно до сих пор осталось незатронутым [рево-лю-цией], оно остается резервом контрреволюционной буржуазии. И первое, что она сделает, если пламя социалистических забастовок начнет жечь ей пятки, она осуществит мобилизацию крестьянства, этого фанатичного приверженца частной собственности. Против этой грозящей контрреволюционной силы нет иного средства, кроме перенесения классовой борьбы в деревню, мобилизации против крестьянства безземельного пролетариата и крестьянской бедноты. (Браво! и аплодисменты.)

Из этого следует, что нам нужно делать, чтобы обеспечить пред-посылки успеха революции, и потому я хотела бы обобщить наши ближайшие задачи: мы должны прежде всего в будущем во всех направлениях развивать систему рабочих и солдатских Советов, главным образом систему рабочих Советов. То, что мы получили 9 ноября, только слабые зачатки, но и не только это. В первой фазе революции мы даже снова потеряли огромные средства

власти. Вы знаете, что контрреволюция предпринимает систематическую ликвидацию системы рабочих и солдатских Советов. В Гессене рабочие и солдатские Советы вообще уничтожены контрреволюционным правительством, в других местах у них вырваны из рук средства власти. Поэтому мы должны не просто расширять систему рабочих и солдатских Советов, но и включить в эту систему также сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. Мы должны овладеть властью, мы должны поставить перед собой вопрос о захвате власти в виде вопроса: что делает, что может и что должен сделать каждый рабочий и солдатский Совет по всей Германии? (Браво!) Власть — именно там; мы должны выхолащивать буржуазное государство снизу вверх, с тем чтобы больше не разделять общественную власть, законодательство и управление, а объединить их, передав в руки рабочих и солдатских Советов.

Товарищи, нам предстоит возделать огромное поле. Мы должны готовить это снизу, дать рабочим и солдатским Советам такую силу, чтобы, когда правительство Эберта — Шейдемана или иное ему подобное будет свергнуто, это стало бы заключительным актом. Таким образом, завоевание власти должно быть не единовременным действием, а поступательным, осуществляемым посредством нашего внедрения в буржуазное государство до тех пор, пока мы не займем в нем все позиции и не станем защищать их зубами и ногтями. Что касается экономической борьбы, то и она должна, по мнению моему и моих ближайших друзей по партии, вестись рабочими Советами. Руководство экономическими вы-ступлениями и перевод их во все более широкое русло тоже должны находиться в руках рабочих Советов. Рабочие Советы должны иметь всю власть в государстве. В этом направлении нам надлежит работать в ближайшее время, а отсюда следует и то, что, если мы ставим себе такую задачу, мы должны считаться с колоссальным обострением борьбы в самое ближайшее время. Ведь здесь надо шаг за шагом, лицом к лицу бороться в каждом из германских государств, в каждом городе, в каждой деревне, в каждой общине за все те средства государственной власти, которые необходимо одно за другим вырвать из рук буржуазии и передать рабочим и солдатским Советам.

Однако для этого надо сначала обучить и членов нашей партии, обучить пролетариев. Ведь и там, где рабочие и солдатские Советы существуют, они все еще не сознают того, к чему эти Советы призваны. (Очень верно!) Мы обязаны сначала обучить массы, что рабочий и солдатский Совет должен во всех отношениях стать рычагом государственной машины, что он должен брать в свои руки любую власть и всю ее направить в тот же фарватер социалистического преобразования. От этого еще очень далеки и те рабочие массы, которые уже организовали рабочие и солдатские Советы, за исключением, разумеется, кое-где того небольшого меньшинства пролетариев, которое ясно сознает свои задачи. Но это не недостаток, а как раз нормальное явление. Масса должна, осуществляя власть, учиться пользоваться ею. Иного средства научить ее этому нет. К счастью, мы уже оставили поза-ди те времена, когда говорилось о необходимости обучать пролетариат в социалистическом духе.

Однако для марксистов каутскианской школы эти времена, видимо, еще не ушли в прошлое. Обучать пролетариат в социалистическом духе для них значит: читать ему лекции, распространять листовки и брошюры. Нет, для социалистического обучения пролетарских масс вовсе не это нужно. Они обучаются, когда переходят к действию. (Очень верно!) А это значит: вначале было действие... А действие должно состоять в том, чтобы рабочие и солдаты почувствовали себя призванными стать единственной общественной властью во всей Германии и учились этому. Только подобным образом мы сможем так перелопатить почву, что она станет зрелой для переворота, который затем увенчает наше дело. А потому, товарищи, мы вчера, хотя и без явного умысла и намерения, предупреждали вас, говорила об этом и я: не представляйте себе дальнейшую борьбу легкой! Некоторые товарищи поняли это неверно, полагая, будто я считаю, что они, бойко-тируя Национальное собрание. на-

мерены стоять со сложенными руками. Мне такое и во сне не могло привидеться. Просто я не могла вчера подробнее остановиться на этом вопросе, а сегодня в данной взаимосвязи я такую возможность имею. Я считаю, что история не создаст нам таких благоприятных условий, какие были в буржуазных революциях. Тогда достаточно было свергнуть официальную власть в центре и заменить ее парой или несколькими дюжинами новых людей. Нам же необходимо действовать снизу вверх, ибо именно это отвечает массовому характеру нашей революции и тем ее целям, которые затрагивают самые глубокие основания общественного строя. Характеру нынешней пролетарской революции соответствует то, что мы должны осуществить завоевание политической власти не сверху, а снизу. 9 ноября было попыткой поколебать публичную власть, классовое господство, попыткой довольно слабой, половинчатой, неосознанной, хаотической. То, что предстоит сделать сейчас, это вполне сознательно направить всю силу пролетариата на основные твердыни капиталистического общества. Внизу, где отдельный предприниматель противостоит своим наемным рабам, внизу, где все исполнительные органы политического классового господства противостоят объектам этого господства, массам, там должны мы шаг за шагом вырывать у господствующих сил средства их власти и брать в наши руки.

Когда я так обрисовываю этот процесс, он выглядит, пожалуй, более медленным, чем нам в первый момент хотелось его себе представить. Но, думаю, для нас полезно с полной ясностью взглянуть в лицо всем трудностям и сложностям этой революции. А потому я надеюсь, что как на меня, так и на вас описание этих огромных трудностей, этого нагромождения задач не подействует в том духе, что парализует ваше рвение и вашу энергию. Наоборот, чем величественнее задача, тем больше сконцентрируем мы все наши силы. И мы не забудем: революция умеет вершить свои дела с невероятной быстротой. Не берусь предсказывать, сколько времени потребует этот процесс. Кто из нас ведет такой счет, кого это заботит, лишь бы жизни нашей хватило довести его до конца! Дело лишь в том, чтобы мы ясно и точно знали, что нужно делать. А я надеюсь, что в меру моих слабых сил осветила в главных чертах, что же нужно делать.